

Кучельтура, — 2000. — 12-18 окт. — с. 12
Однажды Ленин спас Чюрлениса

К 125-летию
 великого литовского художника

В шестидесятые-семидесятые годы я был буквально помешан на творчестве Чюрлениса. Собираю литературу о нем, репродукции его картин, по несколько раз в год бывал в музее художника в Каунасе. Конечно, бывал и в Друскининкае, где художник родился в 1875 году, и на его могиле на кладбище Расай в Вильнюсе. Но мне очень хотелось увидеться с сестрой Чюрлениса — Валерией Константиновной Чюрлените-Каружене, которая всю жизнь посвятила сохранению творческого наследия брата. А ведь картины Чюрлениса не раз подвергались опасности, и самое страшное для них, произошло в Москве в 1918 году. Об этом я и хотел поговорить с ней, но это никак мне не удавалось.

В один из своих приездов в Каунас — было это в мае 1970 года — я дознался, что один из руководителей города — человек ей очень близкий и он может мне устроить такую встречу. Его разговор по телефону с Валерией Константиновной был длительным и велся на литовском языке. Когда он положил трубку, то сказал: Валерия Константиновна неважно себя чувствует, но согласна увидеться с московским журналистом. Правда, попросил меня уложиться в... пятнадцать минут.

Валерия Константиновна сразу меня очаровала. Высокая, статная, красивая. Это была одна из самых поразительных женщин, которых я встречал. Покорила она еще тем, что прекрасно, без всякого акцента говорила по-русски.

И вот какую драматическую историю она рассказала:

...Во время Первой мировой войны, когда возникла угроза оккупации Каунаса немецкими войсками, картины Чюрлениса — более 300 работ — упаковали в ящики и перевезли в Москву, сложили их в кладовую Московского училища живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой. В то время Валерия Константиновна училась в Москве, в университете Шанявского, и посещала знаменитую художественную

студию Константина Юона. После Октябрьской революции стала работать в Народном комиссариате просвещения.

Одним из первых документов Советской власти было постановление за подписью В.И.Ленина о национализации частных художественных коллекций. И жертвой этого скоропалительного и совершенно неподготовленного решения стали картины Чюрлениса — их реквизируют и в спешке, кое-как свезли в подвалы Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека). Там было сыро, страшно холодно и промозгло. И работам Чюрлениса, исполненным темперой и пастелью на бумаге и болезненно реагирующим на любые изменения температурно-влажностного режима, грозила быстрая и неминуемая гибель.

Валерия Константиновна узнала о реквизиции картин слишком поздно. Кинулась было в Румянцевский музей, но там с ней даже не стали разговаривать. Пробираясь к нарком просвещения Луначарскому. Анатолий Васильевич любезно выслушал, посочувствовал, но безнадёжно развел руками: постановление подписано Лениным, и только он может его нарушить. Что же делать? Она решила пойти к Ленину. Луначарский, несколько колебавшись, написал записку с просьбой принять "гражданку Чюрлените для неотложного разговора..."

С этим письмом она направилась в Кремль. В приемной председателя Совнаркома сказала, что хотела бы лично передать его Ленину. Валерия Чюрлените была настроена столь решительно, что секретарь поспешил доложить о посетительнице и пропустил ее в кабинет. Он оказался большим, просторным, в глубине его за столом, заваленным бумагами и книгами, сидел Ленин и что-то торопливо писал.

— Тогда я не представляла значения Ленина — это пришло позже. Его имя было в ряду других политиков, быстро появлявшихся и также быстро исчезавших. А политикой я

не интересовалась и не понимала ее. Но когда Ленин поднял глаза, я поняла, что передо мной человек умный, пронзительный, исключительной воли и непреклонного характера, человек жесткий и решительный. Он может помочь, но может и отказать, и тогда его ничем не переубедишь. Я растерялась...

Но все же стала рассказывать ему о творчестве Чюрлениса, о том, что его картины надо ей вернуть. Вдруг почувствовала, что ее слова не убеждают, а, напротив, чем-то раздражают его.

— Собственно, я не пойму, почему вы не хотите, чтобы картины вашего брата находились в Румянцевском музее, как и другие художественные коллекции, — ответил он. — В дальнейшем они будут показаны самым широким массам трудящихся...

Тогда Валерия Чюрлените решилась на отчаянный шаг. Она заявила, что картины Чюрлениса не принадлежат Советской России. Он — литовский художник, и его произведения — собственность литовского народа и литовского государства. И Москва не вправе ими распоряжаться. И, кажется, такой выпад подействовал.

Конечно, Валерия Константиновна не знала о том, что Ленин весьма чувствительно и даже болезненно относился к проблемам межнациональных отношений. Она, естественно, не подозревала, что здесь, на ее глазах, развертывается политическое действие. Дело в том, что в те дни в Литве сформировалось социалистическое правительство во главе с В.С.Мицкявичюсом-Капсукасом, которого, кстати, Чюрлените хорошо знала, и обмолвилась об этом в разговоре с Лениным. Это правительство Москва всячески поддерживала, и передача Литве картин Чюрлениса могла послужить большой политической выгоде. Поэтому сказал уже вполне примирительно:

— Да, каждый народ обязан уважать, хранить и беречь своих художников. Что ж, надо спасать Чюрлениса...

Быстро написал записку, в которой говорилось: "...картины вернуть тов. В.К.Чюрлените и оказать ей необходимую помощь и поддержку в их сохранении..."

Валерия Константиновна сразу же помчалась в Румянцевский музей, и в этот же день ящики с картинами были перевезены на квартиру поэта Ю.К.Балтрушайтиса, который позже станет полномочным представителем Литовской Республики в Советской России. Картины извлекли из ящиков, осмотрели, отсыревшие листы просушили. Еще недели две они пролежали бы в подвале Румянцевского музея, и картины погибли бы...

Когда Капсукас узнал об этой встрече, то тоже сделал свои политические выводы — он подписал постановление о создании в Каунасе музея художника. В начале двадцатых годов картины Чюрлениса были переданы Литве.

...Моя беседа с Валерией Константиновной вместо отведенных мне пятнадцати минут продолжалась полтора часа. В то время я по понятным причинам не мог в полной мере использовать этот уникальный материал. Но вот теперь мне предоставлена такая возможность.

М. Чюрленис

Евграф КОНЧИН

200